

Александр Баженов

**Бажаник. Семь
сфер. IV Книга
Танец кварков
Часть 1 и 2**

Александр Баженов

**Бажаник. Семь сфер. IV Книга
Танец кварков Часть 1 и 2**

«Автор»

2026

Баженов А. Н.

Бажаник. Семь сфер. IV Книга Танец кварков Часть 1 и 2 /
А. Н. Баженов — «Автор», 2026

Однажды февральским днём из-под корней старого дуба появляются незванные гости — элементарии, духи субатомных частиц: кварков, лептонов, глюонов, бозонов Хиггса. Они пришли предупредить: антимир, населённый злобными антиэлементами во главе с Аннигилом, Первым Антикварком, готовит вторжение. Чтобы остановить его, героям предстоит освоить новую грань семи сфер — расслоение, открывающее порталы вглубь материи, в мир, где правят законы квантовой физики. Но Аннигил — лишь первое испытание. Вслед за ним из межгалактической пустоты приходит новая угроза: Теневики, сгустки тёмной материи, управляемые таинственным разумом из Великой Пустоты. Эта книга — о том, что настоящая дружба не зависит от размера: будь ты кварком, глюоном, Гарудой или крылатым львом из лунного света — если ты любишь, ты непобедим. Цитаты Эйнштейна и Ландау, Вернадского и Циолковского, Понтекорво и Флёрва звучат здесь как напоминание: магия — это наука.

© Баженов А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оглавление	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Бажаник. Семь сфер. IV Книга Танец кварков Часть 1 и 2

Оглавление

Глава 1. Гости из глубины

Артём и Алиса наслаждаются зимним покоем в яблоневом саду. Алиса рисует, Артём размышляет. Из-под корней старого дуба появляются элементарии — духи субатомных частиц: Удд (кварк-посланник), Лепто (электрон), Глюон (сильное взаимодействие), Хиггс (поле Хиггса), Гравита (гравитация). Они предупреждают о вторжении из антимира. Артём впервые расслаивает семь сфер, открывая портал в микромир. Там он видит Аннигила — Первого Антикварка, и его армию антиэлементариев. Цитаты Бома, Эйнштейна, Теслы, Фейнмана, Блейка.

Глава 2. Квантовый лабиринт

Герои проходят через квантовый лабиринт — мир, где правят суперпозиция и неопределённость. Встреча с элементариями всех четырёх фундаментальных взаимодействий. Битва с антиэлементариями: Анти-Глюон, Анти-Лепто, Анти-Хиггс, Анти-Гравита. На помощь приходят Такшака, Адитья, Синга, Ригден Джапо. Финальная схватка с Аннигилом. Победа через любовь — антиматерия не может аннигилировать свет. Аннигил преображается. Цитаты Бора, Гриббина, Вигнера, Лао-Цзы, Экзюпери, Гёте.

Глава 3. Тёмная сторона космоса

Новая угроза из межгалактической пустоты: Теневики — сгустки тёмной материи и тёмной энергии, движущиеся к Земле. Элементарии предупреждают: тёмная материя может вытеснить обычную материю из реальности. Герои собирают совет в саду: Такшака, Адитья, Синга, элементарии. Разработка плана защиты: создание кокона из семи сфер, усиление магнитного поля Земли, открытие порталов в макромир. Тренировка расширения сфер вовне. Тёплые взаимоотношения участников. Цитаты Эйнштейна, Ландау, Вернадского, Циолковского, Гагарина.

Глава 4. Танец нейтрино

Битва на границе атмосферы. Создание защитного щита из семи слоёв. Гравита фокусирует поток стерильных нейтрино на центральный Теневик. Алиса разворачивает Анахату на всю планету — Земля отвечает, усиливая магнитное поле. Теневики рассеяны. Возвращение в сад. Размышления о нейтрино как мосте между материей и тёмной материей. Цитаты Понтекорво, Маркова, Флёрова, Гейзенберга, Лавлока, Тургенева.

Послесловие

О книге вселенной, написанной на языке математики и любви. О том, что магия — это наука, до которой ещё не доросли приборы. О танце кварков и танце любви. Цитаты Эйнштейна, Галилея.

Часть 1 Гости из глубины

Глава 1. Первый Антикварк

Зима в яблоневом саду стояла тихая и прозрачная, какой она бывает только в феврале, когда мороз уже не жжёт, но ещё держит, а солнце начинает пригревать по-весеннему. Снег лежал на ветвях яблонь пушистыми шапками, и в его кристаллах, если приглядеться, играло солнце — не просто отражалось, а преломлялось, рассыпаясь на крошечные радуги. Я сидел на крыльце, закутавшись в плащ из лунного шёлка, который мы привезли из Шамбалы, и смотрел, как Алиса рисует.

Она устроилась у окна, выходящего в сад, и её мольберт стоял прямо на подоконнике. Сегодня она работала акварелью — лёгкими, полупрозрачными мазками, которые ложились на бумагу, как дыхание. На картине рождался зимний сад, но не тот, что она видела за окном, а тот, что жил в её памяти: сад из Набха-локи, где цветы были сотканы из света, а деревья росли корнями вверх, цепляясь за звёзды.

— Ты опять на меня смотришь, — сказала она, не оборачиваясь.

— Я коллекционирую твои образы, — ответил я. — Алиса с кистью. Алиса с мечом. Алиса, рисующая зимний сад в феврале. Каждый — это ты.

Она повернулась и улыбнулась — той самой улыбкой, которая начиналась в уголках губ и медленно разливалась по лицу, достигая глаз. Золотой огонёк Адити, всё ещё горевший на её груди, мягко пульсировал в такт дыханию. За полгода, прошедшие после битвы с Вритрой, она стала ещё красивее — не внешне, хотя и внешне тоже, а внутренне. Её красота теперь была красотой человека, который прошёл через тьму и вышел к свету. Красотой воина, который умеет держать меч, но предпочитает кисть. Красотой женщины, которая знает, что её любят, и не боится любить в ответ.

— А ты? — спросила она. — Какой твой образ сегодня?

— Сегодня я — Артём, который ждёт весну, — ответил я. — И надеется, что в этот раз она будет тихой.

— Тишина нам только снится, — усмехнулась она. — После всего, что было, я уже не верю в тишину.

И, как обычно, она оказалась права.

«Тишина — это не отсутствие звука, — писал физик и философ Дэвид Бом. — Тишина — это присутствие порядка, который ещё не проявил себя». В той тишине, что царила в саду, действительно зрел новый порядок — или новый хаос. Я чувствовал его не сферами, не мармами, не амулетами. Я чувствовал его кожей. Воздух стал чуть плотнее, свет — чуть резче, а в ушах появился едва различимый звон, похожий на пение хрустальных колокольчиков.

«Природа не раскрывает свои тайны сразу, — говорил Альберт Эйнштейн. — Она лишь позволяет нам подглядывать за ними, как за танцем под покрывалом». В этот февральский день покрывало дрогнуло.

Это началось с запаха.

Не с трещины в небе, как тогда, когда пришли Адиты. Не с портала, как когда мы возвращались из Шамбалы. Нет, это началось с запаха — тонкого, едва уловимого, похожего на аромат озона после грозы, но с примесью чего-то металлического, древнего, как сама материя. Запах шёл не с неба — он шёл из-под земли. Из-под корней старого дуба, под которым мы когда-то закопали два камня, соединённых серебряной проволокой.

— Ты чувствуешь? — спросила Алиса, откладывая кисть.

— Да. Это не Адиты.

— И не Кхайя.

— И не кто-либо из тех, кого мы знаем.

Я закрыл глаза и активировал Аджну — синюю сферу между бровей. Мир посветлел, проступили тени, а за теньями — вероятности. И в этих вероятностях я увидел нечто новое. Не врата, не портал, не разлом. Скорее, это было похоже на слоистую структуру — как если бы сама реальность начала расслаиваться, как слюда, и между слоями открывались проходы. Проходы вниз. Вглубь. Внутрь самой материи.

— Оно идёт из микромира, — произнёс я.

— Из микромира? — переспросила Алиса. — Ты хочешь сказать, из мира атомов?

— Глубже. Из мира субатомных частиц. Кварков, лептонов, бозонов. Из мира, где действуют законы квантовой физики, а не ньютоновской механики.

— Но как такое возможно? Это же... это же невообразимо мало. Меньше, чем длина Планка.

— Для магии нет понятия «мало», — ответил я. — Для магии есть понятие «глубина». Помнишь, чему учила нас Чхая? Что реальность состоит из слоёв. Мы видели слои света и тени. Теперь, кажется, пришло время увидеть слои материи.

Я закрыл глаза и направил внимание внутрь себя. Семь сфер, пробуждённых во мне, сияли вдоль позвоночника, как ожерелье из драгоценных камней. Красная Муладхара. Оранжевая Свадхистхана. Жёлтая Манипура. Зелёная Анахата. Голубая Вишудха. Синяя Аджна. Фиолетовая Сахасрара. Семь огней, семь вибраций, семь ключей.

Но теперь я смотрел на них иначе. Я смотрел на них так, как учила Ушас: не как на монолитные центры, а как на луковицы, состоящие из множества слоёв. Каждая сфера была не точкой — она была спиралью, уходящей вглубь. И слои этой спирали, если рассмотреть их внимательно, напоминали... энергетические уровни атома. Те самые s, p, d, f-орбитали, о которых я читал в учебнике физики. Только вместо электронов на этих орбиталях вращались сгустки чистой энергии — моей собственной жизненной силы.

«Всё в мире есть вибрация, — писал Никола Тесла. — Если вы хотите понять вселенную, думайте в терминах энергии, частоты и вибрации». Мои сферы вибрировали. И их вибрации входили в резонанс с чем-то, что находилось глубоко под землёй. С чем-то, что тоже вибрировало.

Я начал расслаивать их.

Это было похоже на то, как если бы я снимал кожуру с луковицы. Слой за слоем, оболочка за оболочкой. Красная сфера раскрылась, и внутри неё оказалась ещё одна — более глубокая, более насыщенная. Я снял и её — и увидел третью. Четвёртую. Пятую. С каждой снятой оболочкой вибрация усиливалась, а реальность вокруг меня становилась тоньше, прозрачнее.

На седьмом слое Муладхара открыла портал.

Я открыл глаза и увидел, что вокруг нас, прямо посреди заснеженного сада, возникла воронка. Не в земле — в воздухе, в самой ткани реальности. Она была похожа на водоворот, но вместо воды в ней кружились крошечные огоньки — красные, оранжевые, жёлтые, зелёные, голубые, синие, фиолетовые. Семь цветов, соответствующих семи сферам.

Из воронки пахнуло теплом — странным, неземным теплом, пахнущим озоном, металлом и чем-то ещё, что я не мог назвать. И из неё вышел... человек? Нет. Это был не человек. Это было существо, сотканное из чистой энергии.

Оно было не выше моего колена, но его присутствие ощущалось так же остро, как присутствие Савитара. Его тело состояло из постоянно движущихся, мерцающих точек — словно кто-то рассыпал в воздухе горсть драгоценных камней и заставил их танцевать. Точек было шесть: три красные и три зелёные, и они вращались вокруг невидимого центра, удерживаемые силой, которую я сразу узнал. Сильное взаимодействие. То, что связывает кварки в протонах и нейтронах.

У существа было лицо. Три красные точки образовывали глаза — два обычных и один во лбу, — а три зелёные складывались в рот и две щеки. Когда существо говорило, его рот вспыхивал ярче, и звук рождался не в воздухе — он возникал прямо в моём сознании, как телепатический сигнал.

— Приветствую, пробуждённые! — произнесло оно, и его голос был похож на перезвон крошечных колокольчиков. — Я — Удд, кварк-посланник. Я пришёл из мира, который вы называете микромиром. Мы наблюдали за вами с тех пор, как вы пробудили семь сфер. Ваш свет виден даже на субатомном уровне!

— Кто вы? — спросила Алиса, и её голос был спокоен, хотя я чувствовал через кварцевый кулон, как колотится её сердце.

— Мы — элементарии, — ответил Удд. — Духи частиц. Каждая частица в вашей вселенной — электрон, кварк, глюон, бозон Хиггса — обладает сознанием. Не таким, как у вас, но всё же сознанием. Мы живём, мы чувствуем, мы думаем. И мы пришли просить о помощи.

— О помощи? — переспросил я.

— Да. Наш мир — мир кварков, лептонов, бозонов — в опасности. Существует антимир. Вы знаете о нём из вашей физики: антивещество, аннигиляция. Но ваши физики не знают, что антимир населён. Там живут антиэлементарии — злобные, агрессивные существа, которые хотят уничтожить наш мир и проникнуть в ваш. Их предводитель, Аннигил, Первый Антикварк, собрал армию. Он планирует прорвать барьер между мирами и устроить Великую Аннигиляцию, которая уничтожит всё — и микромир, и вашу Землю, и даже Набха-локу.

— Почему вы пришли именно к нам? — спросила Алиса.

— Потому что только вы владеете семью сферами, — ответил Удд. — Только вы умеете расслаивать их, как капусту, и открывать порталы в наш мир. Только вы способны сражаться на субатомном уровне.

«Что наверху, то и внизу», — гласит Изумрудная скрижаль Гермеса Трисмегиста. Эта древняя истина, которую повторяли алхимики, мистики и философы на протяжении тысячелетий, получила неожиданное подтверждение. Микромир, мир субатомных частиц, был не просто скоплением бездушных точек. Он был населён. И его обитатели, элементарии, обладали своими характерами, своей внешностью, своей волей.

«Природа смеётся над нашими теориями, — писал физик Ричард Фейнман. — Она всегда оказывается сложнее, чем мы думаем». Квантовая физика открыла, что частицы могут быть в двух местах одновременно, что наблюдатель влияет на наблюдаемое, что реальность на субатомном уровне — это не механизм, а танец вероятностей. Но даже Фейнман не предполагал, что у этого танца есть хореографы.

Бабушка говорила: «В каждой песчинке спит душа. Нужно только уметь её разбудить». Теперь я знал: она была права. В каждой частице, в каждом кварке, в каждом глюоне спала душа. И одна из этих душ сейчас стояла перед нами, прося о помощи.

— Расскажи нам об антимире, — попросила Алиса. — Кто такой Аннигил? И почему он хочет нас уничтожить?

Удд вздохнул — и его вздох был похож на мерцание далёкой звезды.

— Аннигил — это Первый Антикварк, — начал он. — Он старше, чем сама материя в вашем мире. Когда-то, в момент Большого взрыва, материи и антиматерии было поровну. Они должны были аннигилировать, оставив после себя лишь пустоту. Но возник дисбаланс — крошечный перекося в пользу материи. Благодаря ему существует вселенная. Благодаря ему существуете вы.

— А антиматерия? — спросил я.

— Она была изгнана в отдельный слой реальности, — ответил Удд. — В антимир. Там, где живёт Аннигил и его армия. Они помнят, что вселенная должна была принадлежать им. Они ненавидят материю. И они хотят восстановить «справедливость» — уничтожить всё, что есть, и вернуть мир к изначальной симметрии.

— Это безумие, — прошептала Алиса.

— Это не безумие, — возразил Удд. — Это их природа. Они — античастицы. Они не могут существовать в мире материи, не аннигилируя. Они — воплощённое отрицание. Вы не сможете договориться с ними, как договорились с Вритрой. Их можно только остановить.

Я переглянулся с Алисой. Её лицо было бледным, но спокойным. Родинка на левой скуле — моя вечная точка отсчёта — темнела на побледневшей коже. Она не боялась. Она думала.

— Мы пойдём, — сказал я. — Но нам нужна информация. Как сражаться в микромире? Как работают наши способности на субатомном уровне?

Удд просиял — в буквальном смысле. Его кварки засияли ярче.

— Я научу вас! — воскликнул он. — И не только я. С вами пойдут мои друзья. Мы — элементарии, и каждый из нас отвечает за определённый аспект физической реальности. Мы поможем вам.

Он повернулся к воронке и свистнул — странным, переливчатым свистом, который был похож на звук падающих капель.

Из воронки вышли ещё четверо существ.

Первым вышел Лепто — элементарий электрона. Он был похож на крошечную молнию, заключённую в сферу из голубоватого света. Его тело постоянно дрожало, вибрировало, словно он не мог усидеть на месте. Вокруг него вращались кольца — энергетические уровни, на которых, как я знал из физики, располагаются электроны в атоме. Их было семь, по числу сфер.

— Лепто — мой брат, — представил его Удд. — Он отвечает за лептоны: электроны, мюоны, тау-частицы и их нейтрино. Он быстр, как свет, и умен, как сто физиков. Он поможет вам ориентироваться в микромире.

Лепто поклонился — его кольца на мгновение разошлись и снова сомкнулись.

— Приветствую, пробуждённые. Я слышал о ваших подвигах. Особенно о том, как вы вырезали руны на Астрах. Это было... элегантно.

Вторым вышел Глюон — элементарий сильного взаимодействия. Он был самым странным из всех: его тело состояло из восьми переплетённых нитей, каждая своего цвета — красного, синего, зелёного, антикрасного, антисинего, антизелёного и двух дополнительных, которые я не мог назвать. Нити постоянно двигались, сплетались и расплетались, как клубок светящихся змей.

— Глюон — наш силач, — пояснил Удд. — Он отвечает за сильное взаимодействие — то, что связывает кварки в протонах и нейтронах. Без него материя распалась бы. Он поможет вам удерживать форму в микромире.

Глюон не сказал ни слова. Он просто кивнул, и его нити на мгновение образовали подобие кулака — жест силы и решимости.

Третьим вышел Хиггс — элементарий поля Хиггса. Он был... прозрачным. Не как стекло, а как воздух — я видел его только потому, что вокруг него слегка искажался свет. Его тело напоминало человеческое, но размытые очертания, и от него исходило ощущение массы — не тяжести, а именно массы, фундаментального свойства материи.

— Хиггс — наш философ, — сказал Удд. — Он отвечает за массу. За то, что частицы обладают инерцией. За то, что вы не проваливаетесь сквозь землю. Он поможет вам понять природу вещества.

Хиггс заговорил — и его голос был низким, медленным, как движение тектонических плит:

— Я дал вам массу. Теперь я дам вам знание. Это справедливо.

Четвёртой вышла Гравита — элементарий гравитации. Она была прекрасна. Её тело напоминало человеческое женское, но состояло из изогнутого пространства — словно кто-то взял ткань реальности и сложил её в форму женщины. Вокруг неё вращались крошечные планеты, звёзды, галактики — целая миниатюрная вселенная, заключённая в ауре.

— Гравита — наша мечтательница, — представил её Удд. — Она отвечает за гравитацию — самую слабую, но самую дальнедействующую силу. Она поможет вам перемещаться в микромире, где гравитация почти отсутствует.

Гравита улыбнулась, и её улыбка была как изгиб светового луча вблизи чёрной дыры — прекрасная и пугающая одновременно.

— Я слышала о вашей любви, — произнесла она. — Она искривляет пространство вокруг вас. Я это чувствую. Это красиво.

— Теперь вы знакомы со всеми, — сказал Удд. — Мы — элементарии четырёх фундаментальных взаимодействий: сильного, слабого, электромагнитного и гравитационного. Мы — то, что держит вселенную от распада. И мы поможем вам.

— Но как? — спросила Алиса. — Как мы можем сражаться с антиэлементами? Мы даже не видим их.

— Для этого вам нужно расслоить свои сферы, — ответил Удд. — Не так, как вы делали раньше — открывая портал. Глубже. Вы должны войти в микромир сами.

— Как Алиса в Стране чудес, — пробормотала Алиса, и я улыбнулся. Даже перед лицом новой угрозы она не теряла чувства юмора.

— Именно, — подтвердил Лепто. — Только вместо кроличьей норы — портал, открытый семью сферами. Вы уменьшитесь. Не физически — физически вы останетесь здесь. Но ваше сознание, ваша душа, ваша суть перенесутся в микромир. И там вы сможете сражаться.

— А наши способности? — спросил я. — Семь сфер, Первый Луч, руны, амулеты?

— Они останутся с вами, — ответил Глюон. Его голос был похож на скрежет сталкивающихся протонов. — Но они будут работать иначе. В микромире нет привычного пространства и времени. Там всё — вероятность. Ваша воля будет определять реальность в большей степени, чем где-либо ещё.

— Это и пугает, — тихо сказала Алиса.

— Это и даёт надежду, — возразила Гравита. — Потому что ваша воля сильна. Я чувствую её притяжение.

«Тот, кто не был потрясён квантовой теорией, не понял её», — писал Нильс Бор. Квантовый мир действительно потрясает. В нём частица может быть волной, а волна — частицей. В нём кот Шрёдингера одновременно жив и мёртв, пока вы не откроете ящик. В нём две частицы, разнесённые на миллиарды световых лет, могут мгновенно влиять друг на друга — то, что Эйнштейн называл «жутким дальним действием».

Но для эзотерика квантовый мир — не новость. Мы всегда знали, что сознание влияет на реальность. Что наблюдатель меняет наблюдаемое. Что мысль материальна. Просто физики открыли это на столетия позже мистиков.

«Вселенная начинает походить не на великую машину, а на великую мысль», — писал физик Джеймс Джинс. И теперь нам предстояло войти в эту мысль. Уменьшиться до размеров кварка. И сразиться с врагом, который был старше самой материи.

— Мы готовы, — сказал я.

— Тогда начнём расслоение, — ответил Удд.

Я закрыл глаза и снова обратился к своим сферам. На этот раз я не просто снимал слои — я погружался в них. Красная Муладхара раскрылась, как цветок, и я увидел её сердцевину — крошечную точку алого света, вибрирующую с частотой, которая была ниже, чем всё, что я когда-либо ощущал. Частота корня. Частота земли. Частота материи.

Я нырнул в эту точку.

Мир вокруг меня изменился. Сад исчез. Крыльцо исчезло. Алиса, сидевшая рядом, исчезла — но я чувствовал её присутствие через кварцевый кулон, который теперь висел не на шее, а на том, что заменяло мне тело в этом слое реальности.

Вместо сада я видел решётку — кристаллическую решётку, состоящую из атомов. Они вибрировали, и их вибрация была похожа на музыку, которую я слышал в Набхалоке, — музыку сфер, только более низкую, более фундаментальную. Каждый атом был как звезда в миниатюре: ядро, состоящее из протонов и нейтронов, и электроны, вращающиеся вокруг него, как планеты.

Но я пошёл глубже.

Я нырнул в ядро — и увидел кварки. Три кварка в протоне, три кварка в нейтроне. Они танцевали, удерживаемые глюонами, и их танец был бесконечно сложен. Цвета кварков меня-

лись каждое мгновение — красный становился синим, синий становился зелёным, зелёный становился красным. Это был танец сильного взаимодействия, танец, который держал материю от распада.

— Ты видишь их, — раздался голос Удда. Теперь он был не передо мной — он был во мне, частью моего восприятия. — Это мои братья. Это мир, который вы называете микромиром. Теперь смотри: вот он, антимир.

Я посмотрел — и увидел трещину.

Она проходила не в пространстве — она проходила в самой структуре реальности. Трещина между материей и антиматерией, между миром и антимиром. Из неё сочилась тьма — но не та тьма, что была у Чхаи (живая и населённая), и не та, что была у Вритры (пустая и холодная). Эта тьма была враждебной. Она не просто отрицала свет — она его ненавидела.

В трещине двигались фигуры. Антиэлементали. Существа, сотканные из античастиц. Анти-Удд, Анти-Лепто, Анти-Глюон, Анти-Хиггс, Анти-Гравита. Их формы были такими же, как у наших друзей, но искажёнными, вывернутыми наизнанку. Их цвета были противоположными: антикрасный вместо красного, антисиний вместо синего, антизелёный вместо зелёного. Их голоса, которые я слышал не ушами, а сферами, были полны злобы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.